

Уроженец Верхнего Мамона Александр Матинченко участвовал в испытаниях космической техники и сам готовился к полету на околоземную орбиту.

ЗАМЫСЕЛ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСТРУКТОРА

Сергей Павлович Королев оставил после себя «Рабочие заметки по тяжелому межпланетному кораблю и тяжелой орбитальной станции». Датированы записи 1962 годом. Уже тогда Генеральный конструктор советских ракетно-космических систем выдвигал идею создания вокруг Земли целой флотилии габаритных спутников, широких по своему функционалу и способных «жить» на орбите очень длительное время. Для обслуживания таких объектов — ремонта, регулировки, перезарядки фотокиноаппаратуры и приборов, дозаправки — потребовалась бы целая служба там же, в космосе.

По замыслу Королева, базироваться эта служба должна на большой обитаемой станции со сменным экипажем по вахтовому методу. На членах экипажа можно было бы изучать длительное воздействие невесомости, ставить масштабные медико-биологические эксперименты, пробовать на практике механические средства создания временного и постоянного искусственного тяготения, испытывать технику для более длительных полетов.

«Таким образом, основной задачей тяжелых орбитальных станций Королев считал подготовку к будущим межпланетным экспедициям и обслуживание искусственных спутников Земли, — пишет историк космонавтики С.Н. Славин. — Однако Генеральный конструктор прекрасно понимал, в каком мире он живет, поэтому предусмотрел и возможность военного применения таких станций».

Еще до полета Юрия Гагарина, 23 июня 1960 года, Королев направил министру обороны письмо с описанием именно военной станции. Рассчитывая привлечь внимание военного ведомства, он описал вкратце конструкцию объекта массой 25–30 тонн и его боевые задачи: разведка территории потенциального противника, выявление мест дислокации военно-морских баз, аэродромов, пусковых ракетных установок, войск, а также возможность применения оружия для уничтожения кораблей, баллистических ракет и других целей. Плюс к тому станция открывала широкие перспективы для астрономических, метеорологических, географических наблюдений и биологических экспериментов.

Идея военных заинтересовала. Королев получил предписание подготовить эскизный проект долговременной орбитальной станции оборонного назначения. Меньше чем через год проект был готов. Станция предполагалась с экипажем из трех человек, массой 150 тонн, длиной 52 метра и 4,2 метра в диаметре. Энергетика — солнечные батареи и компактный ядерный реактор. Поднимать такую машину на орбиту тогда было нечем. Рассчитывали на три старта проектировавшей гигантской ракеты Н-1. Монтаж на орбите наметили на 1965 год.

В начале осени 1962-го в Пицунде глава советского правительства, первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев встречался с главными конструкторами космической отрасли. Там приняли решение аппетита умерить, а амбиции увеличить: массу станции сократить вдвое, но зато оснастить ее ядерным оружием.

Еще через три года, когда макет был готов, последовала новая вводная — выводить на орбиту надо многоцелевую космическую базу-станцию, этакий порт с несколькими стыковочными узлами для швартовки спутников-разведчиков. Дело в том, что аппараты с такой специализацией из-за низких орбит имели срок службы весьма короткий, от двух до шести месяцев. А на базе станции они могли сдавать свои материалы и проходить сервисное обслуживание. Ресурс таким образом увеличивался многократно.

База-станция должна была иметь длину 100 метров, диаметр основных блоков 6 метров, массу до 250 тонн и экипаж до 10 человек. Как утверждает С.Н. Славин, «станцию собирались оснастить разными видами противоракетного и противокосмического оружия, в том числе и лучевого».

Однако и к тому времени ракета-носитель Н-1 не была готова.

Ситуацией, вызванной техническими проблемами, и отсутствием конкуренции со стороны Королева — Сергей Павлович умер, и его сменил Василий Павлович Мишин — воспользовался Владимир Николаевич Челомей, руководитель ОКБ авиационного машиностроения в подмосковном городе Реутово. Он предложил универсальную пилотируемую станцию «Алмаз» со сроком службы два года, пригодную как для народнохозяйственных целей, так и для военных. «Алмаз» можно было доставить на орбиту за один пуск челомеевской же ракеты, получившей впоследствии известность, как «Протон», с двигателями С.А. Косберга воронежского КБ «Химавтоматика».

Предложение Челомея получило одобрение. На соответствующих предприятиях ракетно-космической отрасли приступили к строительству как самой станции, так и большегрузного транспортного корабля для ее снабжения со спускаемым аппаратом оригинальной конструкции.

А в сентябре 1966 года в Центре подготовки космонавтов выделили группу,

которую стали специально готовить для будущей работы на орбитальном комплексе «Алмаз». Сперва в ее состав входили пятеро. Назовем их в алфавитном порядке: уже летавший в космос Павел Беляев (командир группы), Лев Воробьев, Лев Демин, Василий Лазарев и Александр Матинченко — герой нашего рассказа.

РОДОМ ИЗ ВЕРХНЕГО МАМОНА

Александр Николаевич Матинченко родился 4 сентября 1927 года в селе Верхний Мамон тогдашнего Павловского района Воронежской области. Отец будущего кандидата в покорители Вселенной, Николай Федорович, служил военным летчиком.

— Матинченки — не местные, ростовские, — рассказывала двоюродная сестра Александра, Наталья Максимовна Семенова. — Семья Сашиного деда, Федора Трофимовича, по воспоминаниям родных, приехала в наш Верхний Мамон в двадцатые годы прошлого века. Дед Федор был рукодельным мужиком, завел у нас в селе кузницу. К своему ремеслу стремился приучить и сына Николая. Николай был женат на нашей, мамонской, но она вскоре заболела и умерла, совсем молодой. Детей завести не успели. Через некоторое время Николай посватался к моей тете по матери — Анастасии Семеновне Яншиной. В 1927 году у моей мамы, Анны Семеновны Гридиной, родилась я, и крестным отцом назвали Николая Федоровича. В том же году у самих Матинченко родился первенец Саша, так что мы с ним ровесники. Как дальше складывалась их жизнь, точно не знаю. И дед с бабкой, и молодые уехали в Ростов. А хатенка их на том краю села и сейчас еще цела. Крестный стал боевым летчиком, у него родились еще дети — сын Миша и дочка Нина. Теперь вот, — с грустью добавляет Наталья Максимовна, — и Миши нет в живых, и Саша умер. И Нину недавно похоронили, она в Харькове по медицинской части работала, профессором в институте...

По воспоминаниям Натальи Максимовны, в начале сороковых годов Николай Федорович служил в Прибалтике, жил с семьей в Вильнюсе. Военные люди остро чувствовали, что не сегодня, так завтра Германия нападет на Советский Союз. Матинченко-старший заранее перевез семью в Верхний Мамон. Здесь Анастасия Семеновна с детьми жила, снимая квартиру, до лета сорок второго. Тут немцы подошли к Дону, начались бомбежки.

Николай Федорович снова позаботился о семье. Пользуясь своими возможностями и полномочиями, он прилетел в Верхний Мамон на небольшом «кукурузнике», приземлился на поле, за оврагом, где был кирпичный завод. Отец выполнил три рейса — сначала перевез дочку Нину, вторым рейсом — ребят, Александра и Михаила, потом забрал жену. А зимой 1943-го, когда оккупантов из Придонья прогнали, Анастасия Семеновна приезжала погостить в Верхний Мамон.

— Тетя Настя меня увезла к себе в Мононо Московской области — так захотел крестный, — продолжала рассказ Наталья Максимовна. — Двоюродный брат Саша уже где-то учился на казарменном положении, дома бывал нечасто. Но я хорошо помню, как забиралась с ним на парашютную вышку, чтобы смотреть салюты, которые давали в Москве по случаю наших побед. Анастасия Семеновна была общественницей, в военном городке руководила женсоветом, всегда вся при делах. Козу, помню, держали, и мы ее доили.

ДОРОГА В ЗВЕЗДНОЕ НЕБО

Из официальной биографии Александра Матинченко явствует, что школьные годы он провел в местах службы отца-летчика. Николай Федорович участвовал в Великой Отечественной войне. Занимался тыловым обеспечением авиадивизии, потом авиакорпуса дальнего действия. Награжден несколькими орденами. В пред-

ставлении к ордену Александра Невского отмечаются, что он при высоком качестве обеспечил 22 тысячи боевых самолето-вылетов на бомбардировку объектов в глубоком тылу противника и доставку десантов, а описание его заслуг в наградном листе занимает целых четыре страницы. В отставку ушел полковником с должности заместителя командующего Воздушной армии дальней авиации. Умер в 1971 году.

Александр, а потом и его младший брат Михаил пошли по стопам родителя — тоже стали авиаторами. У Михаила жизнь оборвалась рано. В 1957 году во время учений разбился, попав в грозное облако, тяжелый стратегический турбореактивный бомбардировщик-ракетоносец Ту-16. Члену погибшего экипажа, второму пилоту Михаилу Матинченко было всего 28 лет.

Из-за возраста Александр в Великой Отечественной войне поучаствовать не сумел, но успел к февралю сорок пятого окончить в Куйбышеве эвакуированное туда Ленинградское военно-морское подготовительное училище. По окончании училища три года служил «при отце» — радистом в управлении 73-й отдельной вспомогательной авиационной дивизии Дальней авиации ВВС, дислоцировавшейся в поселке Остафьево Московской области. Потом снова учился, на сей раз летать. Он поступил в Балашовское военное авиационное училище летчиков-бомбардировщиков дальней авиации, учебу в котором завершил в 1950-м. Фамилия Александра Матинченко по сию пору есть в списке наиболее уважаемых выпускников этого учебного заведения.

Летный стаж у героя нашего повествования начался в 89-м транспортном авиаполку 73-й авиадивизии. Здесь он к 1954 году прошел путь от рядового летчика до командира корабля.

В следующем году у Александра Матинченко была интересная служебная командировка на полигон Владимировка, расположенный в Астраханской области. Полигон был местом испытания авиационной техники и проведения войсковых учений с применением авиации. Здесь же в условиях, близких к боевым, испытывались первые советские зенитно-ракетные комплексы.

В задачу летчика Матинченко входило поднятия на заданную высоту потрепаный американский двухмоторный самолет «Дуглас» С-47, полученный в годы войны по ленд-лизу. Затем летчик включал автопилот и, доложив на наблюдательный пункт, выбрасывался с парашютом. После этого запускалась ракета. Всего с помощью Матинченко зенитчики уничтожили на испытаниях три таких самолета-мишени.

Если кто помнит, в 1956-м осенью в Венгерской Народной Республике произошли события, совокупность которых одни историки называют революцией, другие — контрреволюционным путчем. Недовольных властями оппозиция вывела на улицы, начался захват оружия, а с помощью оружия — административных зданий. Выступления против режима сопровождались массовыми, причем зверскими, убийствами венгерских коммунистов, работников органов государственной безопасности и внутренних дел.

Дислоцировавшиеся в этой стране советские войска получили приказ помочь венгерским правительственным силам «в восстановлении порядка и создании ус-

Александр Николаевич Матинченко

ловий для мирного созидательного труда». Соединения и части Особого корпуса прибыли в Будапешт и вступили в бой с повстанцами. Через некоторое время из СССР, в основном с территории Украины, прибыли дополнительно несколько дивизий и отдельных частей.

К венгерским событиям Александр Матинченко имеет вот какое отношение. Он доставлял по воздуху необходимые для советской группы войск грузы. В период с 3 по 28 ноября сумел совершить на военном транспортном самолете Ли-2 двадцать пять — в среднем по одному в сутки! — непростых рейсов в Венгрию. Путь был неблизким — из Подмосквы с дозаправкой на территории Украины до аэродрома близ Будапешта. И опасным. Мятежники захватили несколько зенитных артиллерийских установок малого калибра и на подлете к Будапешту сумели сбить один из наших транспортников. Матинченко Бог миловал. За выполнение этого ответственного задания он был отмечен медалью «За боевые заслуги».

Александр Матинченко с юности мечтал получить достойное образование. Такая интересная деталь: после окончания летного училища, которое и без того давало среднее и общее, и специальное образование, он, лейтенант, пошел учиться в вечернюю школу и окончил десятый и одиннадцатый классы. Много занимался самообразованием. Впоследствии это помогло ему поступить на инженерный факультет Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского и по окончании этого престижного учебного заведения получить квалификацию «инженер-механик». Диплом с такой квалификацией позволял работать в сфере производства, обслуживания и ремонта военной авиатехники, на предприятиях авиационной промышленности, в том числе гражданских, а также и в научно-исследовательских организациях оборонного ведомства соответствующего профиля.

Дипломированный военный инженер Матинченко в дальнейшем успешно применил свои опыт и знания в должности помощника ведущего инженера-испытателя научно-исследовательского института Военно-Воздушных Сил, что в городке Чкаловске под Москвой. Местечко это было вблизи Звездного городка — родового гнезда, если можно так сказать, российских космонавтов.

В 1962 году Александра «вычислили» как человека, способного по здоровью и уму к полетам в космос.

В ОТРЯДЕ КОСМОНАВТОВ

После медицинского обследования в Центральном военном авиационном госпитале Матинченко получил допуск врачебно-летной комиссии. На тот момент кандидат имел налет 2 342 часа, освоил различные типы самолетов, в том числе Як-18, УТБ-2, Ли-2, Ил-14 и американский С-47, и совершил десятки прыжков с парашютом.

8 января 1963 года на заседании мандатной комиссии Александра Николаевича Матинченко рекомендовали к зачислению в отряд космонавтов. Новый набор состоял из шестнадцати человек. В отличие от набора первого, гагаринского, все они имели высшее образование. И не все были летчиками истребительной авиации. Так, военные инженеры Эдуард Буйновский, Владислав Гуляев, Виталий Жолобов и Петр Колодин пришли из Ракетных войск стратегического назначения, из Военно-Воздушных Сил — Юрий Артюхин, Лев Демин и Эдуард Кugno. Собственно летчиками были Лев Воробьев, Алексей Губарев, Георгий Добровольский, Анатолий Кукулин, Анатолий Филипченко и Владимир Шаталов, штурман — Анатолий Воронов. На особом положении в отряде оказались герой-фронтник Георгий Береговой и наш Александр Матинченко: первый имел боевой опыт и опыт летно-испытательной работы, а второй — удачно сочетал в себе качества пилота и специалиста в области авиационной техники.

Приказ о зачислении Александра Матинченко в ЦПК в качестве слушателя-космонавта 10 января 1963 года подписал маршал К.А. Вершинин, Главнокомандующий Военно-Воздушными Силами страны.

Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Анатолий Васильевич Филипченко поделился такими воспоминаниями:

— Я хорошо помню Сашу. Такой крепкий, рассудительный парень и очень грамотный. Единственный в нашем наборе, кто был одновременно и летчиком, и инженером. Начальство долго определялось, на чем его специализировать... С ним, земляком-воронежцем, мы с 1963 по начало 1965 года — это два года и два месяца — проходили общую космическую подготовку. А во время подготовки по два раза участвовали в управлении пилотируемыми полетами в качестве операторов связи на наземных измерительных пунктах. Зачислялись на учебу в ЦПК и выпускались одними и теми же приказами маршала Вершинина. Даже выпускные экзамены сдавали в один и тот же день — 13 января 1965 года. После этих экзаменов получили квалификацию «космонавт ВВС». А 23 января 1965 года нас назначили космонавтами 2-го отряда, где предстояло заниматься военными программами. Еще через год началась специализация: меня определили на программу «Спираль», Сашу — на орбитальную станцию «Алмаз».

Когда слушатели второго набора начинали проходить общекосмическую подготовку, корабли «Восток», поднявшие до заоблачных высей славу Советского Союза, сняли с производства. Всего, если кому интересно, было запущено 24 «Востока», из них 6 пилотируемых. Последним был полет Валентины Терешковой в июле 1963 года. На смену аппаратам этой марки пришли «Восходы», на которых неугомонный Королев планировал отработать полеты сразу нескольких членов экипажа и выход космонавта в открытый космос, а затем и переход из одного космического аппарата в другой в процессе полета. Вот эту технику осваивал наш земляк Александр Матинченко с товарищами по набору, готовился на ней подниматься на орбиту.

Дважды летавший на орбиту, космонавт из гражданских Юрий Батулин, политик, ученый-юрист и журналист, как-то в кулуарах очередного Фестиваля российской прессы, проходившего в сочинском Дагомысе, рассказывал, как сам готовился к полетам. По его словам, Центр подготовки космонавтов можно назвать Академией космических наук. Здесь по очень интенсивной программе изучаются космическая техника, будущего покорителя Вселенной насыщают знаниями и навыками по медицине, астрономии, технике связи, специальным дисциплинам.

— Что значит — подготовить космонавта? — спросили мы у Юрия Михайловича.

— Первое, что представляют себе люди, — космонавты крутятся на центрифугах, прыгают с парашютом, наращивают мышцы в спортзале, учатся выживать в самых суровых условиях и так далее. Это правда, подготовить организм космонавта к воздействию факторов космического полета очень важно. Но, кроме того, его требуется научить выполнению штатных операций по управлению космическим кораблем и орбитальным комплексом, а также эксплуатации их бортовых систем (замечим, что их очень много). Сверх этого космонавта следует научить проведению испытаний космической техники и научных исследований в полете. И более того, космонавта надо научить справляться с нештатными ситуациями в космосе. Слушателям первых наборов было нелегко в первую очередь физически, их тренировали, как говорится, с запасом, на пределе сил. А теперь полегче. Старт и спуск космического аппарата проходят при меньших перегрузках, совершеннее система спасения, комфортнее стало на борту космического корабля. Кстати, первые и самые сильные впечатления получаешь, когда присутствуешь при пуске ракеты на Байконуре...

Космодром Александр Матинченко впервые увидел 28 сентября 1964 года. Тогда готовили к старту первый, технологический — без экипажа — «Восход». Прилетел он вместе с Береговым, Шаталовым, Деминым, Артюхиным, Колодиным, Добровольским, Жолобовым, Буйновским, Филипченко и другими товарищами по второму набору. Каманин поставил задачу: мол, прибыли не просто поглазеть на пуск, а на практическое занятие. Цель — изучить старт, средства связи и управления, ознакомиться с ходом подготовки ракеты-носителя и космического корабля к полету, присутствовать при пуске.

Из-за технических неполадок старт несколько раз откладывался. Напряжение нарастало. Ведь следом, с разницей в неделю, должен стартовать второй «Восход», причем сразу с тремя космонавтами, отчего ой как занервничают американцы... Молодежь еще не знала, кто полетит, но догадывалась, что в очередь на полет вклинятся по настоянию Королева гражданские, инженер и медик, при командире из бывалых. Так оно и вышло. 4 октября прилетели Гагарин, Николаев, Комаров, Вольнов, Феоктистов, Егоров, Катус, Лазарев и Сорокин. Кому выпадет звездная карта? Именитых Гагарина и Николаева не пустят — велик, очень велик риск — летят без скафандров, системы спасения на старте нет. Значит, бывалые, Комаров или Вольнов. Королевский протеже Феоктистов — точно полетит. И, скорее всего, врач Егоров.

Технологический «Восход» стартовал 6 октября. В 10.00 ракета плавно оторвалась от стартового стола и, мощно набирая скорость, стремительно ушла в облака. Этот полет прошел успешно на всех этапах. После шестнадцати витков вокруг Земли его посадили в степи между Кустанаем и Петропавловском. В сообщении ТАСС этот «Восход» был назван «Космосом-47».

А под своим именем и под номером 1 этот космический корабль с экипажем в составе Владимира Комарова, Константина Феоктистова и Бориса Егорова вышел на орбиту 12 октября и через сутки благополучно приземлился. «Восходовская» программа также имела короткий срок. На подходе был «Союз», и второй «Восход», слетав с Павлом Беляевым и Алексеем Леоновым в марте 1965 года для отработки выхода человека в открытый космос, чем удивил мир, оказался последним в этой программе.

Еще во время прохождения учебы «на космонавта» Александр Матинченко прекрасно зарекомендовал себя. Новые знания он схватывал, что называется, на лету, активно участвовал в общественной жизни отряда, и его в знак доверия избрали парторгом.

Между первым, гагаринским, и вторым наборами в отряд космонавтов в марте 1962 года был набор женский. Претенденток на славу первой «Чайки» было пятеро. Это инженер Ирина Соловьева, математик-программист Валентина Пономарева, ткачиха Валентина Терешкова, учительница Жанна Еркина и секретарь-стенографистка Татьяна Кузнецова, научившиеся летать на самолетах и прыгать с парашютом в аэроклубах ДОСААФ. Из этой пятерки слетала только Терешкова. В сентябре 1964-го вся женская группа поступила учиться в Военно-воздушную академию. Понятное дело, что девушки, при всем их старании, не все и не сразу усваивали на занятиях. Они часто обращались за помощью к отзывчивому и доброжелательному инженер-майору Матинченко и всегда получали необходимую консультацию.

Направленный в отряд военных программ, Александр Николаевич не сразу занялся темой «Алмаза». 1 сентября 1965 года Каманин записал в своем дневнике, что в ожидании полетов на новых космических кораблях типа «Союз» приступаем к подготовке Гагарина, Николаева, Быковского, Комарова, Колодина, Артюхина и Матинченко». Обратим внимание, что последние трое — из второго набора и в этом маленьком коллективе они подкрепляли своими инженерными знаниями практический опыт уже слетавшей в космос гагаринской четверки.

Через месяц космическое начальство составило шесть экипажей, которыми первыми предстояло обкатывать «Союзы» от старта до посадки. Вот их составы: 1) Гагарин — Воронов, 2) Николаев — Горбатко, 3) Быковский — Матинченко, 4) Комаров — Колодин, 5) Заикин — Хрунов, 6) Попович — Артюхин. «Для первых двух кораблей целесообразно использовать экипажи Быковского и Комарова», — подчеркивает Каманин в дневниковой записи от 12 марта.

Все ближе и ближе был звездный час...

Но в шестьдесят пятом «Союз», изначально проектировавшийся для облета Луны, и его орбитальная версия, известная под технологическим шифром 7К-ОК, еще не были готовы, заниматься практическим освоением корабля не имелось возможности ввиду отсутствия в ЦПК тренажера.

Срочные испытания «Союза» начались в 1966 году. Это было вызвано «битвой» за Луну. Американцы нас тогда стали опережать по лунной программе. Первые три беспилотных пуска кораблей 7К-ОК оказались полностью либо частично неудачными, обнаружилось серьезные ошибки в конструкции корабля. Однако четвертый пуск — 23 апреля 1967 года — был предпринят пилотируемым. Он оказался трагическим. Полетел в одиночку, можно сказать, вне очереди, Комаров. И погиб. Полеты «Союзов» возобновились в 1968-м, но очередь пары Быковский-Матинченко так и не дошла. Как уже говорилось выше, Александра Николаевича со 2 сентября 1966 года перевели в «алмазные» космонавты.

ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО НА ОРБИТЕ

Обстоятельства сложились так, что земляк Александра Матинченко, Анатолий Филипченко, сумел дважды слетать ввысь — в 1969 и 1974 годах — на космических кораблях серии «Союз». Что касается программы «Спираль», участником которой он был, то ее свернули в 1973 году. Под этим кодовым названием помималась система космического назначения, состоящая из орбитального самолета, который по технологии «воздушный старт» должен был выводиться в космос гиперзвуковым самолетом-разгонщиком, а затем ракетной ступенью на орбиту; приземляться же орбитальный самолет должен был на аэродром самостоятельно. «Спираль» планировалась как ответ на программу создания Соединенными Штатами Америки перехватчика-разведчика-бомбардировщика X-20 «Dyna Soar».

Программа же «Алмаз» ни на чьи вызовы не отвечала. Она была действительно уникальной и пионерной для своего времени. Ничего подобного у американцев не было даже в отдаленной перспективе.

Станция проектировалась не столько для сервисного обслуживания в космосе автоматических спутников-разведчиков, сколько для ведения разведки собственными средствами. Например, в мощнейший телескоп с двухметровым объективом можно было разглядеть и сфотографировать бортовые номера самолетов на палубах американских авианосцев. Если спутники-автоматы большую часть запаса фотопленки расходовали впустую, то космонавты на борту станции могли сначала выбрать тот или иной объект, разглядеть его внимательно в оптическом или инфракрасном диапазоне, а потом уже запечатлеть. Экономия — колоссальная! Отснятую пленку можно было проявить-закрепить тотчас и также оперативно передать нужный для военной разведки кадр на Землю по телевизионному каналу связи. Предусматривалась также отправка отснятой пленки на землю с помощью специальной капсулы, отстреливаемой из шлюзового отсека. Телескоп дополнял радиолокатор бокового обзора — с его помощью можно было вести наблюдения за объектами на земной поверхности через облака, при любых метеорологических условиях.

Наши космические конструкторы были в курсе того, что в США велись разра-

Орбитальная станция «Алмаз»

ботки аппаратов, способных перехватывать, либо вовсе уничтожать спутники вероятного противника. Не исключался и вариант похищения. Он основывался на возможностях американских шаттлов — были открыты сведения о габаритах их грузовых отсеков и массе возвращаемой полезной нагрузки, близких к габаритам и массе «Алмазов».

Для борьбы с возможными вражескими истребителями, перехватчиками и похитителями «Алмаз» оснащался 23-миллиметровой автоматической пушкой конструкции Нудельмана-Рихтера, адаптированной для стрельбы в вакууме. Пушка неподвижно закреплялась на корпусе, а наводилась на цель через визир разворотом всей станции. В дальнейшем предполагалось заменить пушку двумя малогабаритными ракетами класса «космос — космос».

Александр Матинченко и его товарищам по спецгруппе предстояло освоить в совершенстве все то оборудование, которым предполагали начинить орбитальную станцию «Алмаз». Они должны были стать настоящими универсалами, военными специалистами самого широкого профиля, а если сказать прямо, космическими разведчиками.

Программа «Алмаз» велась тайно, у нее даже псевдоним был — «Салют». Под общим названием «Салют» на орбиту выводились советские станции по гражданской программе «Долговременная орбитальная станция» (ДОС). «Алмазы» трижды поднимались: под именами «Салют-2», «Салют-3» и «Салют-5». И лишь узкий круг людей знал, что там на самом деле кружится вокруг Земли. Именно из-за чрезвычайной засекреченности нет никакой возможности в деталях рассказать о конкретном участии космонавта-испытателя Александра Матинченко в этой программе. Известно лишь, что работа «алмазных» была сложной, напряженной, очень ответственной.

Автору этих заметок несказанно повезло видеть «Алмаз» в натуре, правда, в музее. Музей этот находится в Подмосковье, при предприятии, где некогда творил выдающийся конструктор Владимир Николаевич Челомей. И не просто я видел это чудо, но и, поднявшись по лесенке, заглянул внутрь станции. Хотел было сфотографироваться там на фоне всевозможных приборов, но не получилось по

известных причинам. Попробую рассказать словами, что изучал, осваивал и в наземных испытаниях чего участвовал космонавт Матинченко.

Собственно станция без пристыкованного транспортного корабля челомеевской же конструкции (этот объект отличается от привычного нам «Союза») и солнечных батарей состоит из двух цилиндров: большого и малого диаметров. Большой диаметр — это чуть больше четырех метров и столько же метров в длину. Здесь располагается пост управления станцией с оптическим визиром, перископ кругового обзора, какие-то медицинские приборы, туалетное приспособление, похожее на унитаз, в кабине со шторкой. Много приборов специального назначения, то есть, разведывательного. Один телескоп оптический чего стоит! Он занимает место от пола до потолка. Из зоны большого диаметра переходишь в зону диаметра малого — примерно три метра и в длину метра четыре. Здесь, несмотря на меньший по сравнению с большой зоной объем, кажется просторней. Есть кровать стационарная, вроде кушетки, ее используют как диван; есть кровать откидная. За стационарной кроватью сразу стол. Над столом — духовочка для разогрева пищи, краны с горячей и холодной водой, по бортам шкафы с оборудованием для опытов и экспериментов. Есть пылесос, радиоприемник, магнитофон. Отсюда можно наблюдать за Землей или Вселенной в обычные обзорные иллюминаторы.

Конечно, тесновато, но в этих спартанских условиях два не особо плечистых мужика вполне могут пребывать пару месяцев. Даже как-то по-своему уютно. Пушки нигде не видно — ни снаружи, ни внутри.

Транспортный корабль в музее к станции не пристыкован, его спускаемая капсула конусообразной формы стоит рядом. На ее фоне мне разрешили сфотографироваться. Замечу, что по сравнению с «Союзом» челомеевский ТКС смотрится габаритнее и красивее.

В составе отряда «алмазных» космонавтов Матинченко прослужил почти три года. Объем работы здесь был большим, и отряд несколько раз пополнялся новыми людьми. Со временем «алмазная» группа стала наиболее многочисленной в Центре подготовки космонавтов за весь период его существования, что является свидетельством того, какое огромное значение придавалось этой сверхсекретной военной программе.

Время часто не бывает другом человека, а ожидания не всегда оправдываются. Один из опытейших советских космонавтов-испытателей Александр Николаевич Матинченко, которого новички Звездного почтительно называли дядей Сашей, 19 января 1972 года приказом Главкома ВВС К.А. Вершинина был отчислен из отряда космонавтов по возрасту.

Писатель Михаил Ребров, близкий к ЦПК, писал о таких, как Александр Матинченко: «Я знал этих ребят, вместе с ними летал на невесомость, астроориентацию, парашютные прыжки. С иными и сегодня доводится часто встречаться. О прошлом не вспоминаем: оно ушло. Навсегда. Но в памяти и сердце осталось. Вместе со щемящей грустью и тоской, которые пробуждаются каждый раз, когда Звездный провожает или встречает очередные экипажи. Судьба как бы обошла их стороной, лишив наград и почестей... Многие годы отдал каждый из них мечте о космическом полете, прошел сквозь горнило строгого отбора — медицинского и мандатного, пожертвовал карьерой ради этой мечты, но так и не смог ее осуществить... Они уходили с прежней работы, уже будучи высокими профессионалами своего дела, имея авторитет и немалые заслуги, и кто знает, быть может, на «старых местах» их жизнь и судьба сложились бы более удачливо».

— Не повезло земляку моему Александру в том плане, что при всех положительных моментах, в силу разных причин он так и не дождался полета в космос, — считает Анатолий Васильевич Филипченко. — То одно, то другое, то пятое, то десятое... Шло время, и вот наступил критический возраст. Сорок пять лет. Его и

открыли по этому основанию. Еще, помнится, кто-то из медперсонала говорил, будто в почках песочек появился... После отряда он работал рядом, в Чкаловском НИИ. И жить оставался в Звездном. Мы виделись с ним, разговаривали, всякий раз вспоминали былое...

В личном деле космонавта А.Н. Матинченко записано: «С февраля 1972 по май 1973 года служил начальником редакционно-издательского отдела ЦНИИ-30 в поселке Чкаловский Московской области». Это заведение по направлениям своей деятельности связано с космосом, точнее, с космической наукой. Так что он еще некоторое время оставался как бы при деле. Хотя, конечно, не раз и не два заглядывался на ночное небо, с которым не сумел (или не дали) близко познакомиться. И оставалось-то ведь всего каких-нибудь два шага до Вселенной...

Ушел он с военной службы в отставку подполковником, но на гражданке не сидел сложа руки, — работал то научным сотрудником в институте стандартизации, то инспектором по качеству в Минавиапроме, то ведущим экспертом в госпредприятии «Авиапромсервис». Последним интересным и ответственным местом работы было 11-е главное управление Министерства авиационной промышленности СССР. В должности инспектора-уполномоченного Матинченко занимался расследованием летных происшествий, выезжал на места катастроф.

ОБ ОТЦЕ РАССКАЗЫВАЮТ ДОЧЕРИ

Космическую свою «одиссею» Александр Николаевич начинал семейным человеком. В Звездный приехал с женой Галиной и дочерью Анастасией. В год окончания ОПК родилась Елена.

— Несмотря на то, что папа имел все свои образования военные, он был человеком необыкновенно творческим, — рассказывает Анастасия Александровна. — Он отлично рисовал, в молодости писал стихи и дарил их маме, хорошо пел. Он читал книги об истории нашей страны, любил поэзию Есенина, вырезал по дереву. Умение занять себя не раз помогло ему в жизни. Когда проходил испытания, будучи в отряде космонавтов, при которых необходимо было длительно находиться в одиночестве, — его это ничуть не смущало, у него всегда находились занятия, которые его увлекали. Его дар художника здорово помогал мне в школе. Все классные стенные газеты рисовал отец, особенно красиво получались новогодние выпуски. После экзаменов, когда я окончила школу, отец на нашей машине повез нас в поход: трех девчонок и трех мальчишек. Как мы поместились в «Волге» — непонятно, ехали битком. Отец помог поставить палатки, кашеварил — он великолепно готовил. Вечером мы громко пели песни под гитару. Взрослый человек, он как-то очень естественно общался с нами, семнадцатилетними. Нам с ним было очень комфортно и весело. Обратное мы приехали все искусанные комарами, но счастливые и довольные.

Когда училась в старших классах, несколько раз ездила с папой на охоту. Скажу, что в отряде космонавтов охотником был чуть ли не каждый, включая самого Юрия Алексеевича Гагарина. На лося и кабана меня, конечно, не брали, а на утку я ходила вместе со всеми и, используя манок, крикала из кустов. Ездили автобусом, в дороге пели песни. Любимая у всех была «Звезда рыбака». Как-то случилась целая история: в одну из охотничьих вылазок меня не взяли на самую охоту и оставили на охотничьей базе, предложив пособирать грибы. Я столько грибов в своей жизни не видела: они стояли рядами в колее старой заброшенной дороги, окружали меня со всех сторон. Место было не очень людное, но недалеко от базы. Каково же было общее удивление, когда приехавшие охотники увидели прорву грибов, собранных мною. Отец со своим другом Василием Лазаревым решили приехать сюда уже конкретно за грибами в следующие выходные, взяв меня. Очень всем понравились мои

рассказы про грибные плантации. До этого всю неделю шли сильные дожди и мы на нашей машине на обратном пути застряли в лесу. Да так увязли, что выбраться сами не смогли. Мы с дядей Васей пошли искать какое-нибудь жильё, где люди могли бы нам помочь, а отец остался в машине. Мы нашли-таки людей, хотя плутали довольно долго, нас вытащили трактором. Только домой вернулись не в воскресенье, как планировали, а к концу дня в понедельник. В Центре подготовки космонавтов были чрезвычайно обеспокоены: пропали два будущих космонавта. А нам позвонить было неоткуда. Что касается грибов, то они испортились — задохнулись в машине.

— Да, отец очень любил лес, — продолжает рассказ сестры Елена Александровна. — Как только сошел снег, мы втроем — он, Стася и я ходили за грибами. Появлялись первые сморчки и лесная травка-кислица. Папа знал много мест, где весенние грибы росли особенно обильно, и мы их обходили ежегодно. Набирали полные корзинки этих странных, похожих на булжники грибов, и радостно несли домой, надышавшись свежим весенним воздухом. Заодно отец собирал интересные ветки деревьев, из которых мастерил разные поделки. Он видел в изгибах дерева, в коряге то, что не видели мы — русалку, сказочного зверя и многое другое. Чуть подправит ножом — и вот вам настоящее произведение искусства... И еще было у него одно увлечение. Вооружившись логарифмической линейкой, делал расчеты, на основании которых пытался спроектировать, а потом построить махолет — уж очень занимала его идея летательного аппарата, подобного птице. Надо отметить, что к этому занятию он относился с чрезвычайной серьезностью. Тщательно составлял чертежи, обращался в патентную службу. В гараже начинал собирать макет крылатой машины.

— А что это за история была, — спрашиваю, — про «угон» вашей машины?

— О, это незабываемо! Юрий Гагарин слыл большим шутником. Отец тоже, между прочим, обладал здоровым чувством юмора, был веселым, жизнерадостным человеком. Однажды родители поднапряглись и купили «Волгу» цвета белой ночи. Гаража у нас тогда не было, и машину ставили на улице под окном кухни. Смотрят и любят, — вспоминает Анастасия Александровна. — И вот однажды «Волги» на месте не оказалось... Конечно, он чуть погодя догадался, что это не более чем розыгрыш. Взял у соседей маленькую собачонку и, держа ее на поводке, стал искать следы исчезнувшей машины. Потом оказалось, что шутку по-дружески устроил Гагарин. Он собрал компанию, вместе откатали нашу машину к нему в гараж и закрыли. А потом Юрий Алексеевич позвонил в службу тыла и попросил послать снегоуборщик замести следы «угона», взяв слово с тылового начальника не выдавать его. Розыгрыш удался, смеху было много.

— Валентина Владимировна Терешкова созналась мне недавно, что и сама была участницей «кражи», и по сию пору смеется, вспоминая об этом забавном событии, — уверяет Елена Александровна. — А ведь сколько лет прошло, наверное, полвека...

С дочерьми Анастасией (справа) и Еленой

Остается добавить, что покойная супруга Александра Николаевича, Галина Борисовна, работала в Звездном городке заместителем директора Дома космонавтов. Дочери их пребывают в трудах: Анастасия Александровна Гришина — начальник отдела кадров группы московских компаний, занимающихся научными разработками; Елена Александровна Полунина в городском округе Звездный городок является представителем уполномоченного по правам человека в Московской области. «Думаем, что отец был бы рад за нас, мы любим свою работу и, надемся, вполне на своем месте», — считают эти замечательные женщины.

У сестер по одному сыну. Сына старшей назвали в честь деда Александром. Сына младшей — Михаилом, в память о дедовом брате, погибшем в авиакатастрофе. Будь жив, космонавт Матинченко радовался бы двум правнучкам Александровнам.

ПРОВОЖАЛИ, РАСПРОЩАЛИСЬ ПО-СЕРДЕЧНОМУ

И в завершение рассказа об Александре Матинченко хочется привести еще отрывочек из давних воспоминаний о нем его двоюродной сестры Натальи Максимовны Семеновой, любезно записанными по просьбе автора этих заметок верхне-мамонским журналистом Эмилем Абросимовым:

— В отпуск, когда ехал на юга, Александр с семейством, а то еще и с кем-нибудь из друзей отправлялся, как правило, на своих колесах. А это значит, что путь к Черному морю, в Крым или на Кавказ, пролегал через Верхний Мамон. Обязательно к нам заезжали. Накупаются, порыбачат — и снова в дорогу. Донскую рыбу для дорогих гостей жарили, уху варили. Саша ел и приговаривал: ничего, мол, вкуснее рыбки из Дона не едал. Как-то заехал вместе с космонавтом Быковским. Начальником районной милиции у нас тогда работал его однофамилец, и Валерий пошутил: может, и мои корни тоже мамонские? Быковский к тому времени уже слетал в космос, но просил приезд особо не афишировать, все ж таки отпуск...

Гостевала Наталья Максимовна и у двоюродного брата. У него, по ее словам, была четырехкомнатная квартира. Про тех, кто уже слетал на орбиту, Александр рассказывал много и охотно, а вот про себя, про свои занятия говорил скупко. Чувствовалось, что за ним стоят секреты.

— Мы на свадьбе старшенькой, Стаси, гуляли. Сначала в Звездном, потом в каком-то московском ресторане веселились, Саша и в компании, и сам много пел. Особенно эту, как ее, «Вы слышали, как поют дрозды?»...

В одно лето прикатил Саша с семьей в Верхний Мамон на новенькой белой «Волге». Видела — ему в радость быть за рулем такой красавицы. Я работала в лескохе, день в день три километра туда и обратно. Так он меня каждое утро на делянки возил, подбирая по пути всех моих товаров.

В другой раз получаю пайку сена у Кривого озера (выдавали его лесхозовским), слышу — зовут. А это Саша меня разыскал — и с обидой: «Почему не разбудила? Я вместо тебя мог бы поехать и получить, а ты бы отдохнула». Смеюсь — кто же станет поднимать гостя в такую рань!

Как-то сидели, детство вспоминали, отцов-матерей. Крестного вспомнили, как-ким отважным был, и Бог его всю войну берег! А мой родной отец в первые же месяцы на фронт ушел — и пропал.

— Не говори так — «пропал», — рассердился Саша, — погиб он!

Погоревала я: знать бы, где могилка его, все легче на душе было бы!.. Ну, и опять жизнь свое взяла.

Саша между тем через архивы Министерства обороны наводил справки. И нашел-таки: Гридин Максим Михайлович погиб в 1941-м под Можайском, защищая Москву.

Помнитесь и еще один наш приезд в Звездный. Зашли в квартиру, а Галя, жена его, — одна.

— А где же Саша? — спрашиваем.

— На охоте. Скоро появится.

Дело было под Новый год. Космонавты к праздничному столу решили дичь добыть. В общем, ждем. А муж мой Алексей говорит: да тут, в городке, есть еще наши родственники — Ляховы, Володя и Зина. Может, сходить пока их провести?

— Я Зину знаю, — удивилась Галя, — вместе в Доме космонавтов работаем, они по соседству живут.

Пошли к Ляховым, поднялись на площадку, звоним. Дверь Володя открывает, растерялся: «Галина Борисовна, вы?» Потом Алексея увидел — и в объятия: «Дядя Леша!» Володина мама, Наталья Илларионовна, — сестра моему Алексею двоюродная. Если бы перед войной не уехала на Донбасс, родился бы в Мамоне еще один космонавт. Хотя Ляхов и так считает Мамон второй родиной. В детстве его сюда не раз привозили, а как-то все лето пробыл на каникулах. Владимир Ляхов, кто не знает, три раза летал в космос!

Саша же в Верхнем Мамоне последний раз был за несколько лет до кончины своей. Сам, без семьи. На пенсии он располнел, но, как всегда, неунывающий, с шутками-прибаутками. Собирается на рыбалку, какой-то мелочи не находит — и слышу:

Перед образом Крылова
Стоит рыжая корова,
С бородавкой на носу —
Всю поела колбасу...

Такая вот у него забавная присказка была.

Провожали, распрощались по-сердечному. Больше я Сашу не видела, и на похороны не ездила — мои дочка Нина и сын Саша были. Хоронили, сказали, с большими почестями. С духовым оркестром и залпами из оружия. Все-таки космонавт.

* * *

Нелетавший космонавт Александр Николаевич Матинченко скоропостижно скончался 18 июня 1999 года. Похоронен вблизи Звездного городка — на кладбище деревни Леониха, что в Щелковском районе Московской области. На этом погосте нашли приют уже многие космонавты.

Кстати, только половина из второго, 1963 года, набора в отряд слетала на орбиту. На момент сдачи этого очерка в печать из шестнадцати в живых оставались четверо: Анатолий Филипченко, Владимир Шаталов, Виталий Жолобов и Эдуард Буйновский. Остальные умерли от разных болезней, а Георгий Добровольский погиб еще в 1971 году из-за разгерметизации спускаемого аппарата корабля «Союз-11».

На кладбище в деревне Леониха вместе с нашим земляком обрели вечный покой как его летавшие на земную орбиту друзья Юрий Артюхин и Василий Лазарев, так и не летавшие коллеги Анатолий Воронов и Владислав Гуляев.

Говорят, что последней задумкой Александра Матинченко была композиция из дерева и фольги под названием «Лети, сынок!» Видно, мысли о небе и звездах не оставляли его до самого последнего дня...